

Т. И. МАКАРОВА

ЦЕРКОВЬ СВ. БОГОРОДИЦЫ В ТМУТАРАКАНИ

Церковь св. Богородицы, построенная согласно летописной записи князем Мстиславом Владимировичем в 1023 г. в Тмутаракани, относится к начальному этапу каменного зодчества в Древней Руси. Исследователи отмечают “единство архитектурной традиции”, объединяющей ее с Десятинной церковью в Киеве и Спасо-Преображенским собором в Чернигове [1, с. 181]. К этому кругу принадлежит и церковь Иоанна Предтечи в Керчи [2, с. 91-106]. Интерес к возникновению каменного зодчества в Древней Руси, его генезису и кругу аналогий объясняют давно назревшую необходимость возможно полного издания раскрытых раскопками Б.А.Рыбакова в 1952-1955 гг. на Таманском городище остатков церкви в Тмутаракани [3, с. 15]. Этой задаче и посвящена настоящая статья.

Таманское городище расположено на месте античной Гермонассы на берегу Керченского пролива, в станице Таманской Темрюкского района (рис. 1). Идентификация его с летописной Тмутараканью подтвердилась археологическими исследованиями, в XVIII в. дилетантскими, проводившимися казаками станицы Темрюкской Тарасенко (1724 г.) и Пуленцовым (1740-е гг.), а столетием позже – профессионалами К.Р.Бегичевым и А.Е.Люценко. Однако трудности раскопок многократно перекопанного культурного слоя городища не подавали надежд на большие открытия [4; 26]. Только раскопы 1930-1931 гг., заложенные А.А.Миллером в береговой части городища, в самой размываемой его части, дали представление о мощности средневековых культурных напластований [5]. Обработанный И.И.Ляпушкиным керамический материал позволил разделить их на два периода: хазарский (VIII-IX вв.) и русский (XI-XIII вв.) [6]. Средневековая керамика Таманского городища, находки стеклянных изделий и монет, полученных в результате раскопок Б.А.Рыбакова в 1952-1955 гг., были изучены С.А.Плетневой, Т.И.Макаровой, Ю.Л.Щаповой и Н.П.Сорокиной, В.В.Кропоткиным [7].

Изучение строительства на Таманском городище оказалось самым сложным делом. Мощный культурный слой, достигающий на некоторых участках городища 15 м, постоянно перекапывался ямами для добывания ракушечника, из которого возводились древние постройки на протяжении предшествующих столетий. Кроме того, при постройке по приказу А.В.Суворова береговой крепости в 1778 г. были сняты слои до середины XI в., а на отдельных участках и до IV в. Надежд на находку церкви в этих условиях было не много и поиски ее продолжались без особых успехов в сезоны 1952 и 1953 гг. Только в конце сезона 1954 г. ситуация стала меняться. На самой возвышенной части городища, в 95 м от береговой линии, где были разбиты раскопы общей площадью в 800 м, стали появляться свидетельства монументальной постройки: кирпичная крошка, цемянка, обломки плинфы и черепицы, красного песчаника и мрамора со следами обработки. Они стали появляться уже на глубине 0,5 м от современной поверхности, сигнализируя о близости какой-то капитальной постройки. Мелкие обломки фресок не оставляли сомнения в ее церковном характере (рис. 2). Действительно, на глубине 2,2-2,5 м от современной поверхности была открыта часть кладки фундамента шириной в 1,5 м и длиной в 6 м (кладка 1), сложенной из двух рядов камней ракушечника на известковом растворе (рис. 3,1). Профиль траншеи 2, в которой была открыта кладка 1, зафиксировал громадный перекоп с прослойками камня и извести, оставшийся от разборки стены, опиравшейся на открытый раскопками фундамент (рис. 3,2). На открытом участке кладки были хорошо видны углубления для деревянных лаг (рис. 4). Кладка 1 была открыта буквально в последние дни сезона 1954 г., поэтому исследование остатков постройки, которой она принадлежала, было произведено уже в сезон 1955 г. (рис. 7).

В результате были открыты фундаменты трехапсидной церкви, частично разобранные, вероятно, еще в древности: ямы в профиле указывают на разборку и фундаментов стен, и апсиды, от которой осталось только основание фундамента со следами его крепления деревянными колышками (рис. 5). Следы подобного крепления грунта остались и в других частях фундамента в местах его разрушения. Длина открытого сооружения – 16,5 м, ширина – 10,4 м. Для него был вырыт котлован глубиной 1,7 м и укреплен по всей площади многочисленными деревянными колышками, от которых остались отверстия диаметром 5-7 см. Такой же способ укрепления мягкого грунта был применен при строительстве церкви Богородицы (Десятинной) в Киеве (991-996 гг.). Для возведения ее князь Владимир “приведе мастера от грек” [9, с. 9-10]. От большей части ее фундаментов сохранились только рвы. При раскопках Д.В.Милеева в 1908-1914 гг. в них были прослежены известковые подошвы. Они состояли из каркаса, сложенного из рядов бревен, лежащих в одном ряду продольно, а во втором – перпендикулярно к ним. Конструкцию скрепляла сплошная известковая заливка, а опиралась она на множество деревянных квадратных в сечении кольев, укреплявших мягкий грунт

и составлявших с ней единую субструкцию толщиной до 0,25 м [10, с. 58-61].

На дне фундаментной ямы апсид тмутараканской церкви остались только многочисленные отверстия от колышков того же диаметра и глубины (до 0,5 м), что и в Десятинной церкви. Они шли ровными рядами в направлении север–юг с перерывом в центральной части апсиды (рис. 5). Сама подошва, скрепленная известью в единое целое, была выбрана целиком из всей раскопанной части апсиды. Следы ее выемки хорошо видны по яме, нарушившей северное плечо апсиды (рис. 5). Конструкции из бревен, вернее, брусьев, лежащих рядами крест накрест, были прослежены во всех кладках фундамента церкви в Тмутаракани. Квадратные в сечении брусья лежали в лагах, проходящих в толще кладки рядами, сверху продольными, а потом поперечными, перпендикулярными первым. Следы сгнивших брусьев сохранились в лагах, ширина которых колебалась от 0,1 до 0,8 м. Лучше всех сохранилась первая, обнаруженная в 1954 г. кладка 1 (рис. 4). Она дала нам надежные факты для установления глубины фундамента, его конструкции и характера кладки, глубины и профиля лаг, уровня, на котором начиналась кладка стен. Уровень глубины лаг на ее поверхности принят при раскопках 1955 г. за 0, от которого велись все расчеты глубин. Ширина кладки 1 колеблется от 1,4 до 1,5 м, длина ее составляет 6,85 м. Шурф, заложенный на северном конце кладки 1, позволил увидеть ее конструкцию (рис. 6). Кладка уложена на слой раствора ракушечника с известью, достигающий 0,2-0,3 м. В северном профиле кладки, в ее основании были заметны следы дерева, образовавшего прочный каркас подошвы фундамента. Далее идет один ряд плоских камней, за ним – ряд таких же камней, залитых цемянкой, и только потом начинается регулярная кладка фундамента.

Она состоит из чередования рядов крупных необтесанных камней и рядов плоского плитняка. Всего в профиле шурфа прослежено 10 рядов камней. Верхний ряд кладки выложен из плитняка шириной 0,2-0,3 м на известковом растворе, между плитами которого оставлено пространство для лежней со сторонами в 0,13-0,15 м. Сверху лежни и плитняк были залиты слоем извести и ракушечника толщиной в 0,2-0,4 м, а щели между ними заложены мелкими кусками плитняка. Создается впечатление, что ровная, аккуратно сглаженная поверхность фундаментной кладки 1 была подготовлена для начала кладки стен, следов которой нигде не сохранилось. Однако, высоту кладки 1 (1,7 м) мы вправе считать глубиной котлована фундамента, а ее сглаженную поверхность – уровнем начала кладки стен церкви. Северный конец кладки 1 вплотную примыкал к северной, целиком выбранной кладке церкви и, судя по ровному ее обрезу, не был перевязан с ней, а крепился впритык. С южного конца кладка 1 значительно хуже сохранилась из-за частичного разрушения южной стены церкви, сохранившейся на 0,6 м ниже ее. Но соединение кладки 1 с южной стеной впритык хорошо видно. Лаги кладки 1 не доходят до южной стены, прерываясь за 0,5 м до нее (рис. 5).

Вторая поперечная кладка, кладка 2, открыта на расстоянии 2,5 м восточнее кладки 1. Обе они были опорой купола и основой организации подкупольного пространства. Длина кладки 2 – 6,85 м, ширина – 1,6 м. Поверхность ее ниже поверхности кладки 1 почти на полметра (46,8 см), то есть ее разрушили больше, сняв два слоя камней и лаг и еще один слой, от которого на поверхности кладки в северной части сохранилось несколько залитых раствором камней. Этим раствором толщиной в 0,3-0,7 м покрывался каждый ряд камней для их выравнивания. В южном конце кладки, с западной стороны, обнаружено отверстие диаметром 2 см и глубиной 0,5 м, оставшееся, вероятно, от металлического измерительного кола. Такое предположение позволяет сделать диаметр оставшегося от него отверстия, отличающегося от отверстий от деревянных колышков.

Кладка 2 сложена из пяти рядов камней различной величины и породы: известняка, ракушечника и валунов. Есть в кладке и плитняк, но в значительно меньшем количестве, чем в кладке 1. Вообще, кладка 2 выложена более беспорядочно, с западной стороны из крупных блоков, с восточной – из мелких камней на растворе. Края кладки образуют большие квадраты, составляющие как бы панцирь с забутовкой из мелких камней. Характер кладки 2 настолько отличается от кладки 1 и по системе укладывания камня, и по ширине, что объяснять это различие работой разных бригад мастеров представляется вполне вероятным. Южный конец кладки 2 примыкает впритык к южной стене церкви, северный конец сохранил такой же ровный, заглаженный раствором срез от соединения впритык с северной стеной, разрушенной на этом участке целиком. По западной стороне кладки 2, поперек ее, проходит трещина, образовавшаяся, очевидно, при ее разрушении. Под нижними камнями кладки хорошо виден слой глины, укреплявшей на этом участке дно фундаментной ямы.

Кладка 6 обнаружена к западу от кладки 1, на расстоянии от 0,6 до 1 м от нее. Длина ее 7 м, ширина от 1,4 до 1,7 м в центральной части. Она разобрана больше, чем кладки 1 и 2: максимальная глубина залегания ее верхних камней более 1 м, местами она составляет всего от 0,2 до 0,45 м от 0. Она сложена из хорошо подобранных рядов камней на растворе. В ней сохранилось четыре ряда поперечных лаг, которые не видны в толще хорошо сохранившихся кладок 1 и 2. Слой кладки 6 с продольными лагами оказался разрушенным, открыв нижний ярус деревянного каркаса стен, состоявшего из двух ярусов деревянных брусьев в специальных лагах, лежащих в основании кладок поперечно, а выше – продольно, образуя крестчатый каркас. Ширина лаг кладки 6 колеблется от 0,1 до 0,16 м. Сохранившиеся части кладки 6 не одинаковы. Западная сторона ее выложена из крупных камней на растворе. Восточная – внизу значительно уже, а верхние камни ее образуют козырек. Соединение кладки 6 с южной и северной стенами, как и у кладок 1 и 2 – впритык.

Кладка 4 представляет собой фундамент южной стены церкви (рис. 5). Ее сохранившаяся длина от юго-восточного угла церкви до восточной части, разобранный после соединения с кладкой 2 – 11,3 м, ширина колеблется от 1,7 до 2 м. В разрушенной восточной части южной стены церкви остались отверстия от кольев, идущих правильными рядами. Особенно густо они располагались вдоль южной границы стены, где подушка в основании фундамента была тщательно выровнена с помощью деревянных конструкций, залитых раствором. На южной стороне кладки 4, на месте ее соединения с кладкой 2, обнаружена яма от кола диаметром 2 см и глубиной до 0,5 м, фиксировавшая направление южной стены церкви при ее закладке или разметке на подушке котлована. Кладка 4 сооружена из камней различной величины, связанных раствором. Внешняя ее поверхность выложена из крупных, уложенных ровными рядами камней, внутренняя поверхность – с наплывами и навесами из камней и раствора, подобно восточной стене кладки 6. В самом низу кладки, на месте ее обрыва около кладки 2 видны следы четырех продольных лаг с кусочками дерева. Глубина залегания кладки 4 – 1,7 м. Надо отметить, что по мере приближения к апсиде глубина котлована увеличивается на 0,4 м, что и понятно: подушка апсиды с ее деревянными конструкциями была полностью выбрана из ямы, нарушившей северное крыло апсиды (рис. 5). Интересно, что соединение южной стены фундамента церкви с различными кладками различно: с кладами 1, 2 и 6, как уже отмечалось, впритык без перевязи, а с западной стеной церкви – вперевязь.

Кладка 3 является западной стеной церкви (рис. 5; 8). Степень ее разрушения различна: в северной части она выше 0 на 0,2-0,4 м, в южной – на 0,6 м ниже 0. С севера кладка разрушена: внешний, западный панцирь ее не сохранился на протяжении 2,6 м и прослеживается только по извести и слою раствора на стенках рва. Но внутренний угол на месте соединения с северной стеной сохранился. В обресе разрушенной северной части кладки западной стены церкви видны три ряда продольных лежней, залегающих на 0,25 м ниже лежней кладки 1. Здесь они проходят в толще стены, а в средней части кладки они видны на поверхности. Ширина лаг – от 0,15 до 0,20 м. В южной части кладки только в нескольких местах прослежены отпечатки на извести деревянных брусьев. Кроме продольных лаг, в обресе кладки с севера видна поперечная лага, вероятно, не единственная. Длина сохранившейся западной стены церкви – 8,2 м, ширина – 1,8 м. С учетом разрушенной части общая длина западной стены равнялась 10,4 м. Соединялась она с южной и северной стенами церкви перевязью с раствором. Ясно, что западная кладка выкладывалась одновременно с южной и северной, образуя с ними каркас здания. Сложена кладка 3 более небрежно, чем кладки 1 и 2. Состоит она из небольших камней на растворе, но местами его так мало, что камни лежат почти всухую.

Северная стена церкви, кладка 5, разрушена почти полностью: сохранился

только небольшой западный ее участок длиной 3,6 м и шириной 1,5-1,6 м на высоту одного-двух рядов камней, что составляет 0,15-0,6 м от 0. Состоит кладка из залитых известью камней булыжника и ракушечника. Северный панцирь сложен из более крупных камней (до 0,4 м в длину), чем южный. Восточный конец кладки 5 сложен из мелких камней, плохо залитых известью, что особенно заметно на месте соединения ее с кладкой 6.

Нам осталось описать восточную часть церкви – кладку апсид или то, что от них осталось (рис. 3). Как говорилось выше, это ров апсид, контуры которого четко прослеживались на всем протяжении, переходя в южной части в четкое округлое плечо (рис. 9; 10). Контуры северного плеча восстанавливаются по аналогии с южной частью. Случай сохранил единственный камень на месте соединения центральной апсиды с южной, разрушенной камнедобытчиками. От кладки апсид не сохранилось больше ни одного камня, если не считать мелких камней, забивших дно фундамента центральной апсиды между кольями. Ряды кольев дают представление о подошве из извести и ракушечника, перекрывавших деревянные конструкции. Эту подошву фундаментов и вынимали добытчики из рва апсид после выемки кладок фундамента. По счастью, при этом они не разрушили контура окружности самой центральной апсиды, радиус которой равен примерно 3,1 м. На центральной линии церкви, на месте центральной апсиды, не занятом кольями, на расстоянии 2 м от кладки 2 сохранилось отверстие диаметром 1,5 см и глубиной 0,5 м. По видимому, от измерительного кола, находившегося на этом месте, производилась окружность апсиды. Нужно отметить известную условность установленного радиуса апсиды: не во всех точках ее окружность точно с ним совпадает. Вероятно, ее подравнивали при разметке, что и нарушило первоначальную выкружку. Следом подобных действий можно объяснить то, что к северо-западу от центрального кола, на той же центральной линии остался след такого же кола. Он мог относиться ко времени устройства рва для фундамента, тогда как первый – к уточнению правильной выкружки апсиды при выкладке фундамента.

Раскопки выявили еще одну деталь в устройстве апсиды: это небольшая западина в центральной ее части, где прерываются ровные ряды отверстий для деревянных кольев. Центральное размещение этого участка наводит на мысль о возможном расположении здесь престола, уничтоженного при разборке храма. Как видно на общем плане церкви (рис. 5; 10), раскопана была только северная, наиболее разрушенная часть апсид. Южная, судя по обрыву примыкавшей к ней южной стены церкви, была тоже разрушена. Однако, в плане заполнения перекопа с известью и мелким камнем дает такую четкую линию соединения центральной апсиды с южной, что решено было законсервировать ее, не разрушая раскопками.

Анализ фундаментов церкви св. Богородицы в Тмутаракани позволяет составить представление о самом процессе ее строительства и сопоставить его

с теми сведениями, которые содержатся в Киево-Печерском Патерике и на которые впервые обратил внимание Б.А.Рыбаков [11, с. 83; 12, с. 8-9]. В Киево-Печерском Патерике говорится о подготовке места для возведения храма на сухом возвышенном месте, о выравнивании площадки ("долины") для него, о разметке на ней контуров рвов фундамента с учетом ширины и длины здания в определенных мерах, о рытье рвов и, наконец, о сооружении фундамента ("водружении кореня"). По мнению Б.А.Рыбакова, другой литературный памятник, "Сказание о Соломоне и Китоврасе", сохранил древнерусское наименование архитектурного плана – "очертание" [11, с. 83].

Следы перечисленных в Патерике операций четко прослеживаются на материале, полученном при раскопках церкви в Тмутаракани. Действительно, церковь св. Богородицы была возведена на возвышенном участке Таманского городища. Под мощным слоем перекопа толщиной от 1 до 1,5 м, снятого бульдозером, залежали ненарушенные напластования, насыщенные обломками строительных материалов (рис. 2). Именно с глубины залегания этих напластований (1,8-2 м) началось сооружение котлована для фундаментов церкви, а сами напластования могут рассматриваться как остатки большой, около 800 м², строительной площадки. Интересно, что на многих ее участках были прослежены следы горения, вероятно, связанные с освобождением территории строительства ("долины") от всего лишнего. Раскопки показали, что котлован фундамента точно соответствовал размерам церкви: 16,5x10,4 м. С дневной поверхности XI века он врезался в слои VI-VII вв., что прекрасно иллюстрируется пифосом этого времени, сохранившимся около западной стены церкви и даже не задетого при рытье котлована (рис. 11). Стены фундамента всюду подходили вплотную к стенам котлована в отличие от Десятинной церкви, котлован фундамента которой был больше ее, и расстояние между ним и фундаментом засыпалось после его возведения грунтом [8, с. 25].

Глубина котлована фундамента тмутараканской церкви равнялась 1,7 м, с глубины 1,8 м, судя по выровненной поверхности кладки 1, начиналась выкладка стен. Сам же фундамент врезался в мягкий грунт, который требовал укрепления. Подошва из деревянных конструкций, залитая известью, выполнила эту задачу, а вместе с этим и образовала пространство, на котором предстояло разметить план здания – "очертание". Углубления от кольев, вероятно, металлических, обнаруженные в апсиде и около кладок 2 и 4 можно рассматривать в качестве следов этой сложной операции. К рабочим инструментам, применявшимся при этом, относился, вероятно, и позвонок кита, найденный около восточного окончания южной стены церкви на дне котлована поблизости от измерительного кола. Он мог служить прекрасным отвесом при замерах.

Создание подошвы фундамента требовало большого количества ракушечника и извести. На глубине 1,30-1,50 м от 0 в двух метрах к северо-западу от стен

котлована была обнаружена яма для гашения извести – “творило”, необходимая для этой процедуры. В десяти метрах от нее было открыто большое скопление красного песчаника, крошки и обломков со следами обработки (рис. 2). Судя по этим находкам, а также по находкам кусков мрамора со следами обработки, эти материалы, предназначенные для интерьера храма, обрабатывались здесь же, на строительной площадке. Она занимала пространство на протяжении не менее 30 метров к северо-западу от него. Вероятно, она продолжалась и к югу от стен храма, откуда должны были подвозить к нему строительные материалы: кирпич, ракушечник, черепицу. Но следов ее мы не нашли, так как участки к югу от церкви не копались.

На строительной площадке, открытой раскопками на Центральных раскопах (23, 19, 29, 25) найдено более тысячи обломков плитки и черепицы (рис. 12). Плитка относится к трем типам: 1 – толщиной в 2 см, 2 – толщиной от 2 до 3 см, 3 – толщиной до 4 см. Из 836 обломков плитки 520 принадлежит 2 типу. Это плитка X-XI вв., близкая плитке Десятиной церкви [9, с. 9] и Софии Киевской [1, с. 174]. Любопытно распределение находок ее типов по раскопам (рис. 12). Находки плитки 1 типа распределяются почти равномерно на всех раскопах, как расположенных рядом с церковью, так и расположенных в 20-30-ти м от нее. Находки самой многочисленной плитки 2 типа сосредоточены в 20-30-ти м от нее, в самом центре строительной площадки, поблизости от постоянно необходимой для ее укладки извести, заготовленной в “твориле”. Редкие находки плитки 3 типа, самой поздней, отмечены рядом с церковью и, вероятно, связаны не с ее возведением, а с ремонтами в XII-XIII столетиях. Черепица представлена тоже тремя типами: 1 – с валиком на поверхности, изображающим букву греческого алфавита. Бортик у нее бывает прямоугольным или остроугольным. 2 тип - с остроугольным бортиком, 3 тип – с прямоугольным бортиком и углублением (рис. 12). Из 505 найденных обломков черепицы большинство относится к 1 и 3 типам, черепица 2 типа найдена в меньшем количестве. Характер ее распределения совпадает с распределением плитки 2 типа, что связано с этапом выкладки стен и покрытием крыши черепицей. Кирпич, встреченный при раскопках в мелких обломках, имел красный обжиг и размеры близкие, но не идентичные размерам кирпичей Десятиной церкви в Киеве: 31x22,3x5,2 см, в то время как киевские кирпичи достигали размера 31x31x2,5 см и отличались светло-желтой глиной с зернами кварца [8, с. 49].

Слои, насыщенные строительным мусором, содержали значительное количество обломков керамики: кухонной посуды, амфор, красноглиняных кувшинов, столовой поливной посуды. Кухонные горшки снабжены венчиками с характерной для русской посуды конца XI в. закраиной [13, с. 24, рис. 13]. Особенно много найдено красноглиняных кувшинов, часто со смолением внутри [13, с. 54, рис. 33] и амфор. Все эти виды керамики, как и белоглиняная византийская

поливная посуда [14, с. 74-77] убедительно датирует напластования со строительным мусором X-XI вв. Подтверждает эту дату и нумизматический материал: монеты Василия I (867-886), Константина VII (944-959) и Романа II (959-963) [15, с. 175-185]. Помимо хронологических выводов, само распределение материалов на строительной площадке позволяет сделать еще одно наблюдение. Находки мрамора, красного песчаника, цемянки и фресок сосредоточены в непосредственной близости от церкви, явно сигнализируя о последнем этапе ее сооружения: об устройстве интерьера (рис. 2). А это значит, что строительная площадка за время сооружения храма последовательно очищалась от мусора: разбитых плинф и черепицы, кирпича и блоков ракушечника, сопровождавших начальный этап строительных работ.

Еще выразительнее различные стадии строительства отразил строительный мусор, которым засыпали котлован фундамента. Слой его прослежен на глубине 0,8-0,9 м от 0 между кладками 1 и 2, следовательно, засыпка котлована началась после того, как стены фундамента были возведены на высоту около 1 м. Слой оказался неоднородным: нижние его напластования состояли из камней ракушечника с известью, то есть из связующего материала подошвы фундамента и самой его кладки. Верхние напластования содержали цемянку, обломки кирпича и плинфы, то есть строительных материалов, связанных с выкладкой стен церкви, ни на одном участке фундамента не сохранившихся. Очевидно, что такая структура строительного мусора в засыпке котлована отражает два основных этапа работ: сооружение фундамента и возведение стен церкви. Практически она подтверждает периодическую уборку строительной площадки, связанную с разными этапами строительных работ. Так археологические исследования остатков фундаментов церкви св. Богородицы в Тмутаракани проливают свет на характер и последовательность работ по ее возведению. Мы располагаем и основаниями для суждения об использовании прицерковной площади после возведения церкви. К северо-западу от ее стен на глубине 0,5 м от 0 в культурном слое стали попадаться человеческие кости и обломки плит из ракушечника, одна из которых сохранилась стоящей вертикально, как плиты каменных ящиков прицерковного кладбища около храма Иоанна Предтечи в Керчи. Ни одного ненарушенного погребения обнаружено не было, но, судя по обнаруженным скоплениям костей, их было на раскопанной площади не менее 28 (рис. 13). Отдельные находки в напластованиях, содержащих остатки разрушенных погребений, сердоликовых, агатовых и хрустальных бусин, бронзовых бубенчиков, обломков стеклянных браслетов совершенно идентичны предметам погребального инвентаря керченского кладбища, нижняя дата которого датируется погребением с монетой Олега-Михаила 1078 г. [16, с. 250-254].

Завершая разговор о времени и обстоятельствах постройки храма св. Богородицы в Тмутаракани, необходимо сказать о немногочисленных, но важных

находках, относящихся к его интерьеру. Это, прежде всего, обломки мрамора и красного песчаника со следами обработки, найденные рядом с церковью и в засыпке фундаментного рва. Помимо частых находок обломков мрамора с остатками обработки, были найдены мраморные шарики диаметром в 2,5 см, два сдвоенных и один одинарный (рис. 12,3,4). Больше поделок из красного песчаника. К явным полуфабрикатам относится прямоугольник высотой 28 см, квадратный в сечении, со следами первоначальной обработки и сколом в верхней части (рис. 14,1). Квадратный постамент размером 11x11 см лучше обработан инструментом, оставившим продольные ряды полос, на одной из которых прочерчен княжеский знак (рис. 14,2). Это тоже бракованное изделие: в верхней части его и сбоку видны сколы. Квадратная плитка из красного песчаника размером 27x30 см со слегка скошенными краями на обратной стороне сохранила следы связующего известкового раствора (рис. 14,3). Возможно, она относится к остаткам мощения пола церкви или части его, например, в алтаре. Уверенно утверждать это трудно, так как на боковых скошенных плоскостях следов раствора нет, что непременно было бы в случае заливки пустот между ними при укладке на полу. Но что эта, тщательно сделанная плитка использовалась в интерьере церкви – сомнений нет. Тем более, что из красного песчаника изготовлялись и более сложные предметы. Такова деталь ажурной резьбы из плиты толщиной в 3 см, которая дает возможность реконструировать полукруглую арку с плетеным орнаментом из лент в 7 мм толщиной (рис. 15,1). О назначении ее в интерьере храма судить трудно, но нельзя исключить использование ее в алтарной преграде. Судя по другим находкам орнаментированных фрагментов из красного песчаника, в убранстве храма он использовался широко (рис. 15,2,5). Наконец, стены храма были покрыты фресками, многочисленные кусочки которых (1x0,5 см) были найдены в огромном количестве. Один обломок оконного стекла диаметром в 22 см – последняя деталь, относящаяся к интерьеру церкви св. Богородицы.

Остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе церкви, построенной князем Мстиславом Владимировичем в Тмутаракани в 1023 г. [17, с. 99]. Столетие спустя, а именно в 1111 г., к которому Б.А.Рыбаков относит последние записи Нестора [18, с. 216], она действовала, а около ее стен разрасталось прицерковное кладбище. Остается ответить на вопрос, до каких пор. Характер разрушения постройки Мстислава дает некоторый материал для ответа на этот вопрос. Как уже говорилось, все кладки фундаментов сохранились на разную высоту: кладки южной и северной стен церкви сохранились практически на высоту 1 кладки (1,7 м), уступая ей местами на 0,2 м, как и кладка западной стены. Поперечная кладка, отстоящая от кладки 1 на 2,5 м, сохранилась ниже последней на 0,3 м, а кладка 6 ниже ее почти на полметра (рис. 5,2). Таким образом, несмотря на некоторую разницу в высотах по отношению к кладке 1, высота которой соответствует началу выкладки стен, первый этап разборки церкви ограничился именно выборкой стен,

при которой кое-где были разрушены верхние части фундаментов. Разборкой здания открытым способом тогда и ограничились, а фундаменты остались в земле, засыпались и сравнялись. Следов пожара, соответствующим этому этапу разборки здания, обнаружено не было. Очевидно, оно рухнуло от ветхости и поэтому было разобрано в наземной своей части. На вопрос, когда это было, ответить трудно, но, судя по отсутствию материалов XIII-XIV вв. в слоях, перекрывающих фундаменты, это было не в золотоордынское время.

Следующий этап разборки церкви оставил после себя многочисленные ямы. Целая траншея осталась от выемки фундамента северной стены. Из ямы, нарушившей северное плечо апсиды, вынималась кладка ее фундамента и скрепленная известью деревянная конструкция подошвы. Эти ямы содержали выразительный материал XVII века, когда и производилась добыча камней фундамента давно рухнувшей постройки. Очевидно, рухнула она где-то в пределах XV-XVI вв. Добыча камня из фундаментов церкви не прекращалась буквально до наших дней, о чем свидетельствуют находки в многочисленных ямах современных материалов, вплоть до газет и фаянсовой посуды.

Итак, раскопками Б.А.Рыбакова 1952-1955 гг. на Таманском городище открыты фундаменты крестово-купольной церкви "простого" варианта с тремя апсидами и нартексом. Размеры ее, 16,5x10,4 м, в переводе на греческие футы, в которых строилось большинство древнерусских храмов [19, с. 67], составляют 53x33 фута. Ближайшая соседка церкви в Тмутаракани, церковь Иоанна Предтечи в Корчеве, близка ей и по плану, и по размерам, равным в метрах 15x10 м, а в футах – 38x32 фута. Еще ближе эти церкви по исходному размеру-модулю, на котором основаны соразмерности основных частей здания. Как установил К.Н.Афанасьев, размер центрального купола, равный стороне подкупольного квадрата, "неизменно является тем начальным звеном цепи построений, которое мы вправе назвать модулем", а "квадратное подкупольное звено, перекрытое куполом – это центр всякого храма" [19, с. 209, 38].

Размеры модуля хорошо читаются по стороне подкупольного квадрата в церкви Иоанна Предтечи: это 3 м, равные 10 футам (греческий фут равен 308 мм) [20, с. 383-391, рис. 20]. В тмутараканской церкви сами столбы подкупольного пространства не сохранились, но расстояние между кладками 1 и 2 фундамента, на которые они опирались, равно 2,5-2,6 м, что дает нам право считать и эту величину близкой 10 футам. Это та самая величина, которая определяет пропорции сооружения, суть которой сформулировал еще Витрувий: "пропорция есть соответствие между членами всего произведения и его целым по отношению к части, принятой за исходную, на чем и основана всякая соразмерность" [19, с. 211; 21]. К.Н.Афанасьев приводит интереснейшее описание строительства церкви, которое содержится в стихотворении византийского писателя X в. Константина Родосского. Оно начинается с описания того, как на строительной площадке

определяется центральный, соответствующий куполу квадрат, потом устанавливается положение четырех столбов по углам этого квадрата. Этот квадрат со столбами называется “сердцевиной”, “средоточием” [19, с. 209].

Конкретно, перенося это описание на строительную площадку церкви в Тмутаракани, мы должны представить себе кладки 1 и 2, на которые и опирались четыре столба подкупольного квадрата со стороны, равной приблизительно 10 футам. Эти кладки – самые фундаментальные. Около 1 кладки, в основании ее западной стороны были обнаружены глубокие ямки от кольев диаметром в 2 см, идущие строго по линии север–юг (рис. 5). В южном конце кладки 2, с западной стороны тоже были отверстия от кольев в 2 см диаметром, след такого же кола открыт у южной стены, на месте ее соединения с кладкой 2. Очевидно, это следы кольев, которые фиксировали разметку стен на основном участке плана – кладках подкупольного квадрата, “сердцевины” здания, размеры которого определяли его модуль. Найденные при раскопках ямки для построения окружности центральной апсиды дают возможность восстановить ее радиус, равный 3,10 м, то есть величине практически равной тем же 10 футам. Интересно, что традиция сооружения небольших храмов с модулем, равным 10 футам, сохранится и в XII веке. Три шедевра древнерусского зодчества – церковь Георгия в Старой Ладоге (сер. XII в.), Спаса в Ефросиньевском монастыре Полоцка (1156 г.) и Покрова на Нерли (1165-1167 гг.) по этому показателю окажутся родственными двум храмам, возведенным на далеком юге столетием ранее, тогда, когда древнерусское зодчество делало свои первые шаги. Церкви в Тмутаракани и Корчеве надежно вписываются в этот начальный этап древнерусской архитектуры не только по типу “простого” варианта крестовокупольного здания в виде вписанного креста, но и по способу убранства интерьера. Заметной особенностью интерьера древнерусских построек великокняжеского периода было широкое использование красного шифера – твердой мелкозернистой породы, распространенной в пределах Овручского уезда Волынской губернии. За разработками его скрывается большое государственное мероприятие – разработка овручских месторождений для великокняжеского строительства, как церковного, так и светского в X-XI вв., в XII в., с началом феодальной раздробленности, угасающая. А в архитектуре Киевщины X-XI вв. именно шифер наряду с мрамором создавали ту красно-белую гамму, которую повторяли кирпич и известь на стенах здания. Этому же эффекта добились и мастера, строившие церкви св. Богородицы в Тмутаракани и Иоанна Предтечи в Керчи, использовав похожий на шифер местный красный песчаник. Как видно, начальные шаги древнерусского зодчества были едины и по архитектурным формам, и по строительным приемам, и по цветовой гамме.

Исследователи отмечают эту общность традиций древнерусской архитектуры XI в., характерную для ее памятников на громадном пространстве Восточной Европы. В трехнефной церкви с нартексом, возведенной князем Мстиславом

Владимировичем в далекой Тмутаракани в 1022 г. угадывается ее образец – Десятинная церковь в Киеве, план Николо-Дворищенского собора в Новгороде 1113 г. оказывается близок плану церкви Иоанна Предтечи в Керчи [1, с. 117, 300], памятники киевского зодчества первой половины XI в. перекликаются с единичными постройками Чернигова, Полоцка, Тмутаракани [8, с. 490].

Какому наследию обязана Киевская Русь единством стилистического облика и строительных приемов храмового зодчества на начальном его этапе? Конечно, Византии. Но не стоит забывать и о христианском Востоке. По мнению Н.И.Брунова, сам крестовокупольный тип храма сложился “в основном в восточной школе византийского зодчества” [22, с. 484-486]. И А.Л.Якобсон связывал с восточными провинциями Византии крестово-купольный храм “простого” варианта, воспринятый древнерусским зодчеством [23, с. 9] и получивший развитие в архитектуре Закавказья [24, с. 316-317] и Алании [25, с. 172]. Вряд ли справедливо видеть в архитектуре Древней Руси наследие только “многовекового развития архитектуры средиземноморской античности” [1, с. 177]. Конечно, решение этого вопроса – в руках исследователей архитектуры. Но вряд ли стоит забывать, что во всех областях художественной жизни Древней Руси, от металлопластики до орнаментики в целом, воздействие восточного наследия, наряду с византийским, весьма ощутимо. Вряд ли архитектура была исключением, несмотря на то, что первые русские храмы строили в греческих мерах “мастера от грек”. Ведь и сама Византия была наследницей не только античного мира, но и древних цивилизаций Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М., 1987.
2. Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.
3. Рыбаков Б.А. Древняя Тмутаракань // Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию МГУ. 9-13 мая 1955 г. Тезисы докладов Исторического факультета. М., 1955.
4. Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове // Древности. М., 1876. Т. 6. Вып. 2.
5. Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1.
6. Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX-XII вв. на Дону и Тамани // МИА. 1941. № 6.
7. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
8. Каргер М.К. Древний Киев. Киев, 1961. Т. 2.
9. Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. // САИ. Л., 1982. Вып. Е1-47.
10. Каргер М.К. Археологические исследования Древнего Киева. Киев, 1931.
11. Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.
12. Киево-Печерский Патерик / Под ред. Д.Абрамовича. Киев, 1931.

13. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
14. Макарова Т.И. Поливная керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
15. Кропоткин В.В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло Тмутаракани. М., 1964.
16. Кропоткин В.В., Макарова Т.И. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. 1973. № 2.
17. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.
18. Рыбаков Б.А. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
19. Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.
20. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
21. Витрувий В. Десять книг об архитектуре. М., 1936. Т. 1.
22. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. М.; Л., 1935. Т. 2.
23. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX-XV вв. Л., 1987.
24. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века: Археология в 20-ти т. М., 2003.
25. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
26. Захаров В.А. История раскопок раннесредневековых слоев Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII-XX вв. // От Тмутаракани до Тамани. Сборник русского ист-орического общества. М., 2002. Т. 4.

MAKAROVA T. I.
THE BLESSED VIRGIN CHURCH IN TMUTORAKAN
Summary

In stanitsa Tamanskaya (Cossack village), in ancient Tmutorakan during the excavations headed by B. A. Rybakov in 1952 – 1955 remains of the foundation of the Blessed Virgin Church built, according to the chronicles, in 1023 by Prince Mstislav Vladimirovich. At the depth of 2 meters, at the distance of 95 meters away from the coast of Kerch Strait the foundation of three-apses four-column church with a narthex, its size is 16,5 x 10,4 m, which is 53 x 33 Greek feet.

The module of the church, which is equal to the side of under-cupola square, is about 10 feet. According to the general plan and module the Church built in Tmutorakan is close to John the Baptist Church in Kerch. In techniques of building it is in the circle of ancient Russian churches dating back to the 11th century, in the usage in the interior of red sandstone that imitates roofing slate of grand princes' buildings of this period; it demonstrates stylistic unity with the architecture of the initial period of architecture in ancient Rus.

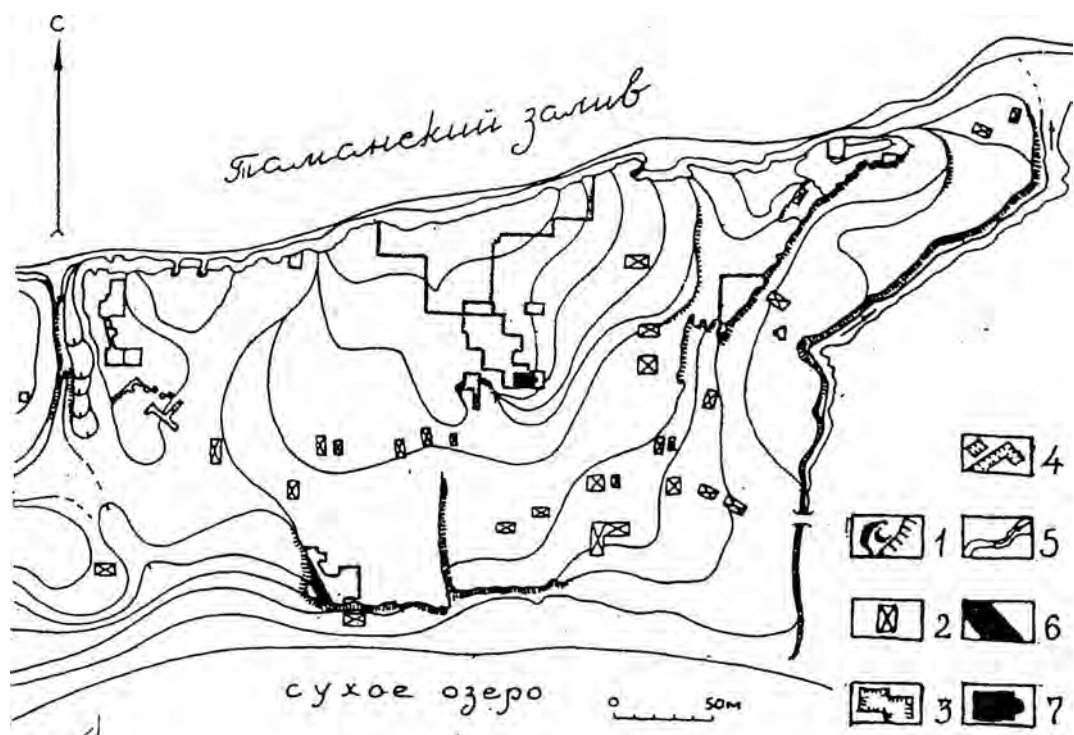

Рис. 1. Общий план Таманского городища.

1 – крутые обрывы Таманского городища; 2 – современные дома; 3 – раскопы;
4 – траншеи и шурфы; 5 – ручей; 6 – стена Таманского городища; 7 – церковь.

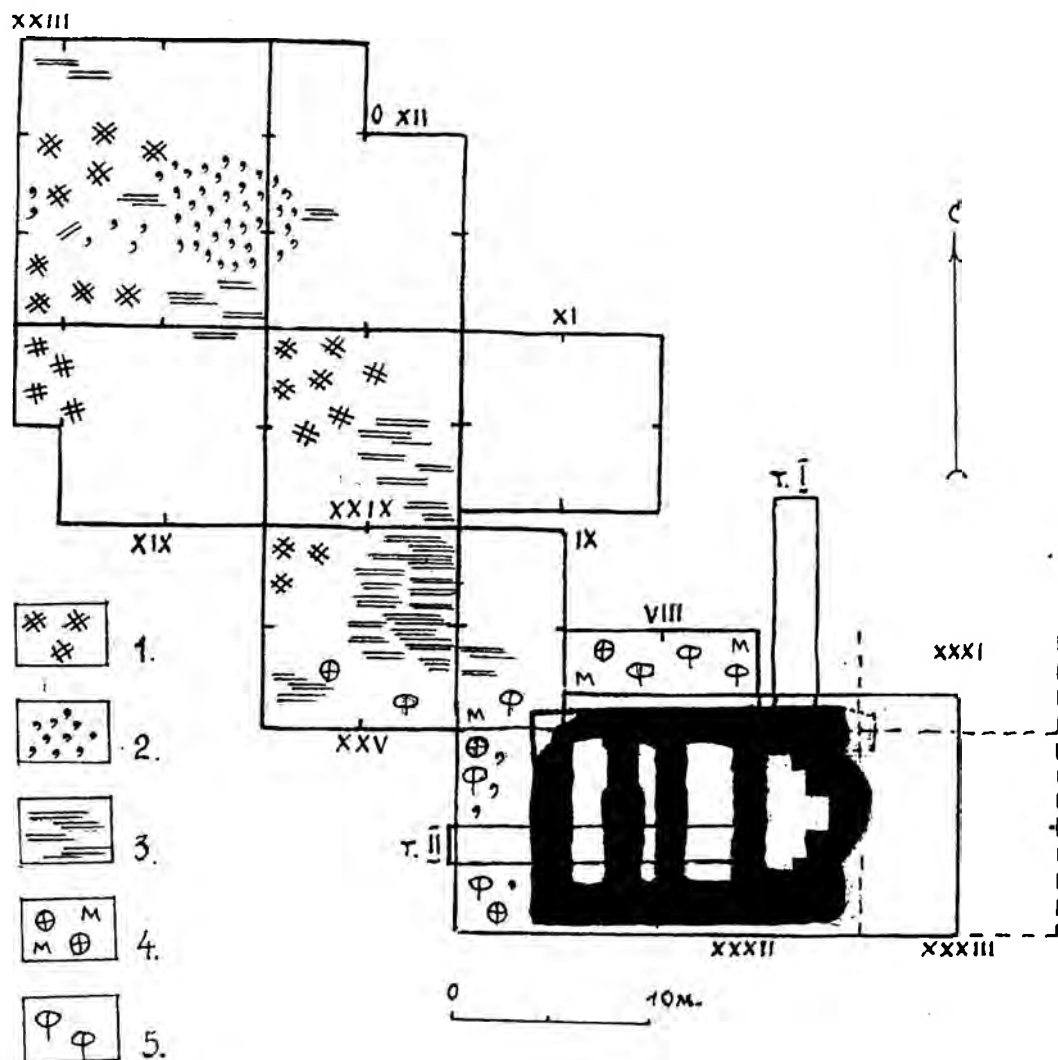

Рис. 2. Строительный мусор на Центральных раскопах.
 1 – плинфа, черепица; 2 – известь; 3 – красный песчаник;
 4 – мрамор, цемянка; 5 – фрески.

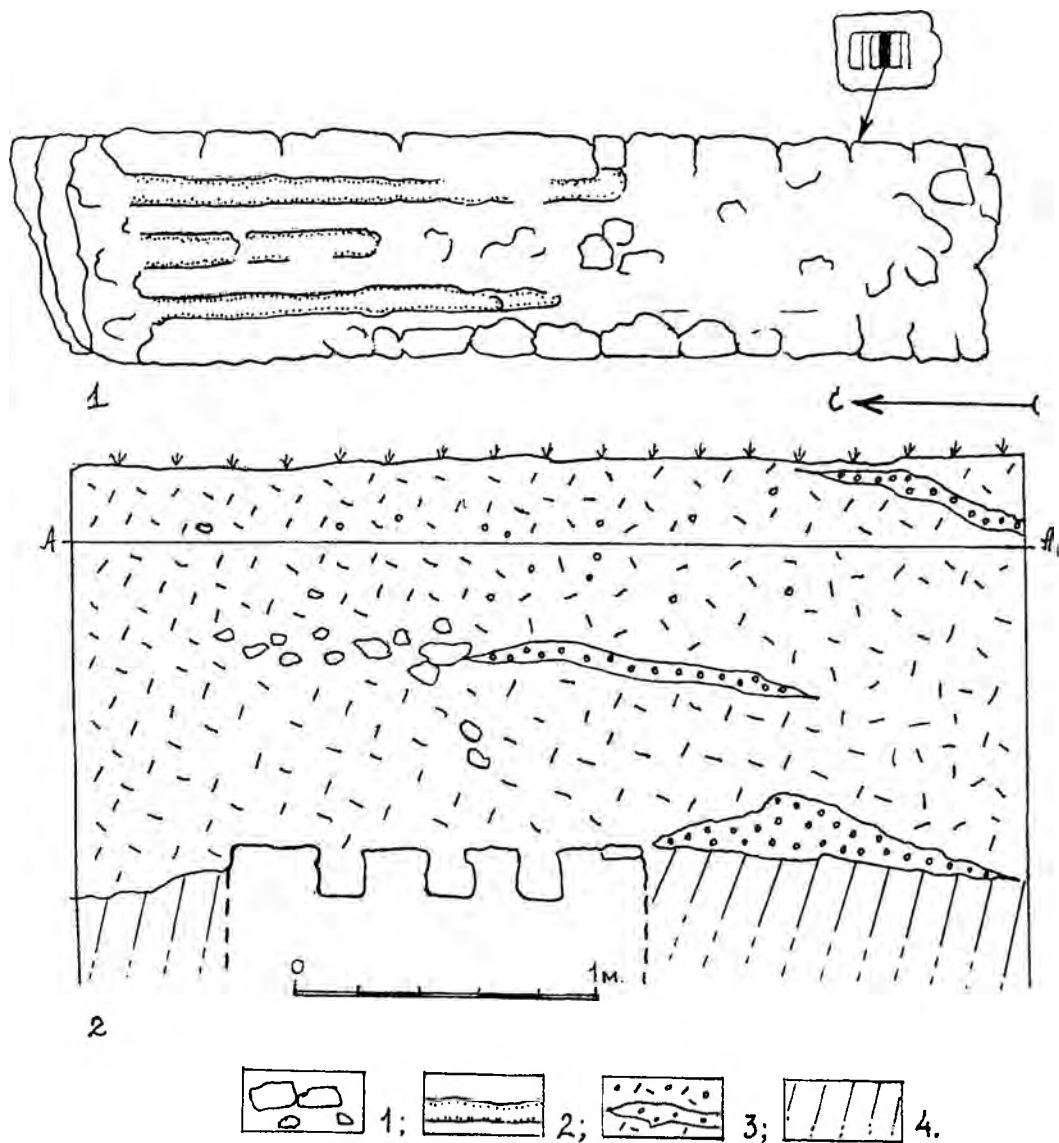

Рис. 3. Кладка 1. Рисунки из дневника С.А.Плетневой (1 – вид верхних камней кладки 1, открытой в 1954 г.; 2 – северный профиль траншеи 2 на месте пересечения с кладкой 1). 1 – камни; 2 – лаги; 3 – перекоп с включениями камней и извести; 4 – культурный слой.

Рис. 4. Кладка 1 с продольными лагами, исследованная в 1955 г.

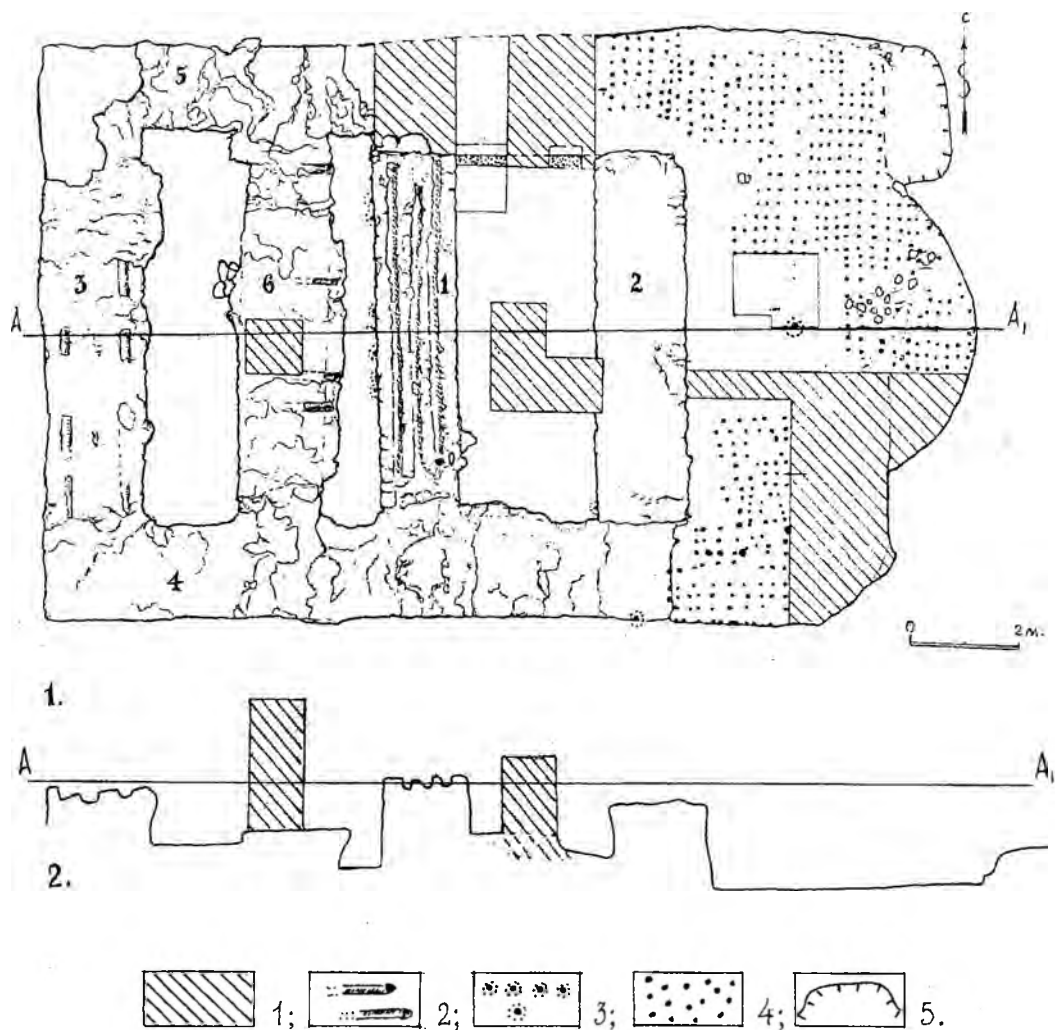

Рис. 5. План и разрез фундаментов церкви св. Богородицы.
 1 – стратиграфические попы; 2 – лаги; 3 – ямки от измерительных колов; 4 – ямки от кольев каркаса фундамента; 5 – яма, нарушившая контур северной апсиды.

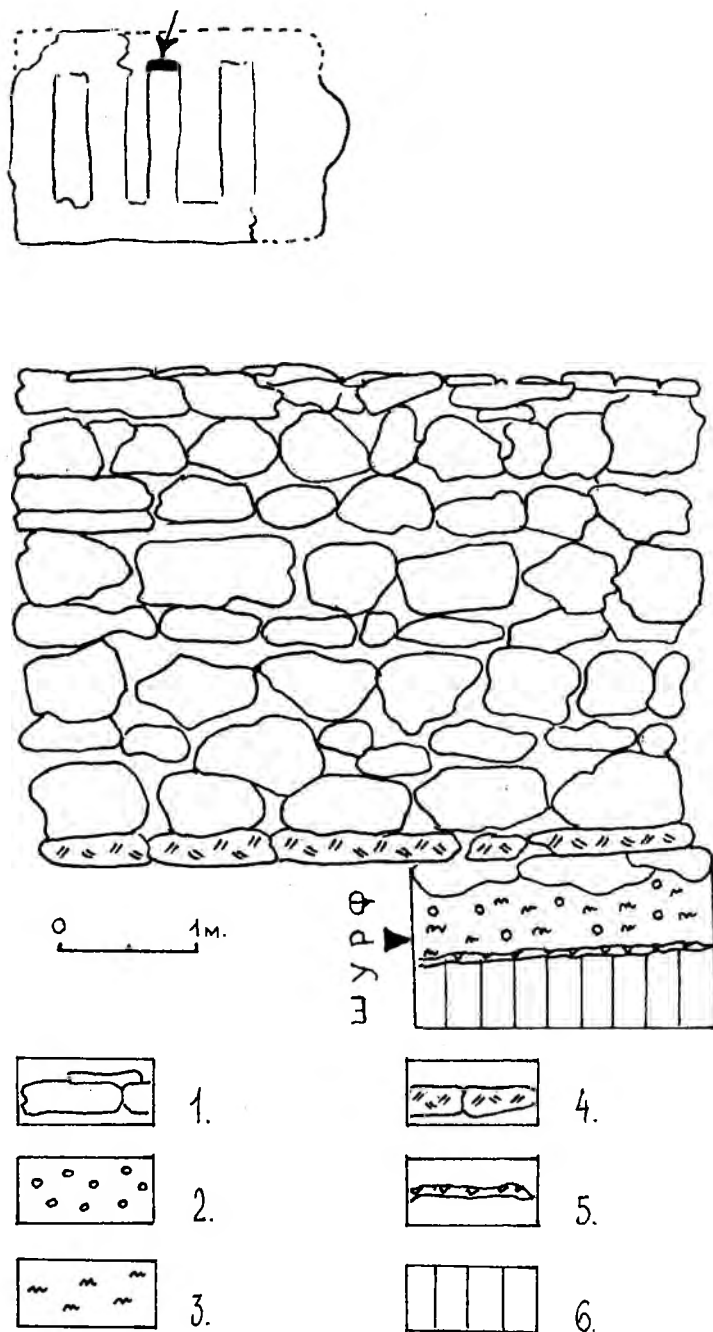

Рис. 6. Фасировка северного торца кладки 1.
 1 – камни; 2 – известь; 3 – ракушечник; 4 – слой цемянки; 5 – уголь; 6 – культурный слой.

Рис. 7. Общий вид Центральных раскопов с востока. На первом плане – Б.А.Рыбаков и С.А.Плетнева.

Рис. 8. Западная стена церкви (кладка 3) с продольными лежнями. Вид с севера.

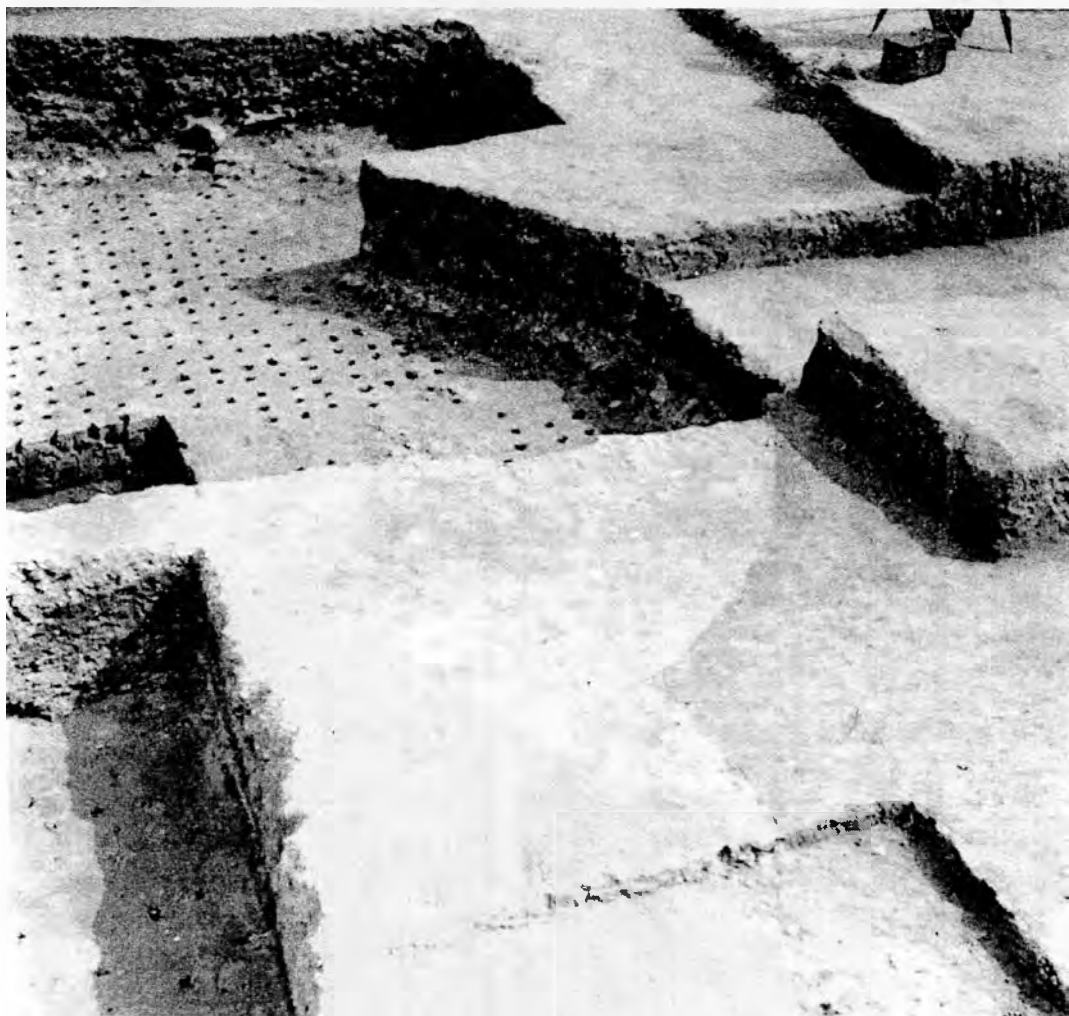

Рис. 9. Апсидная часть церкви. Вид с юга.

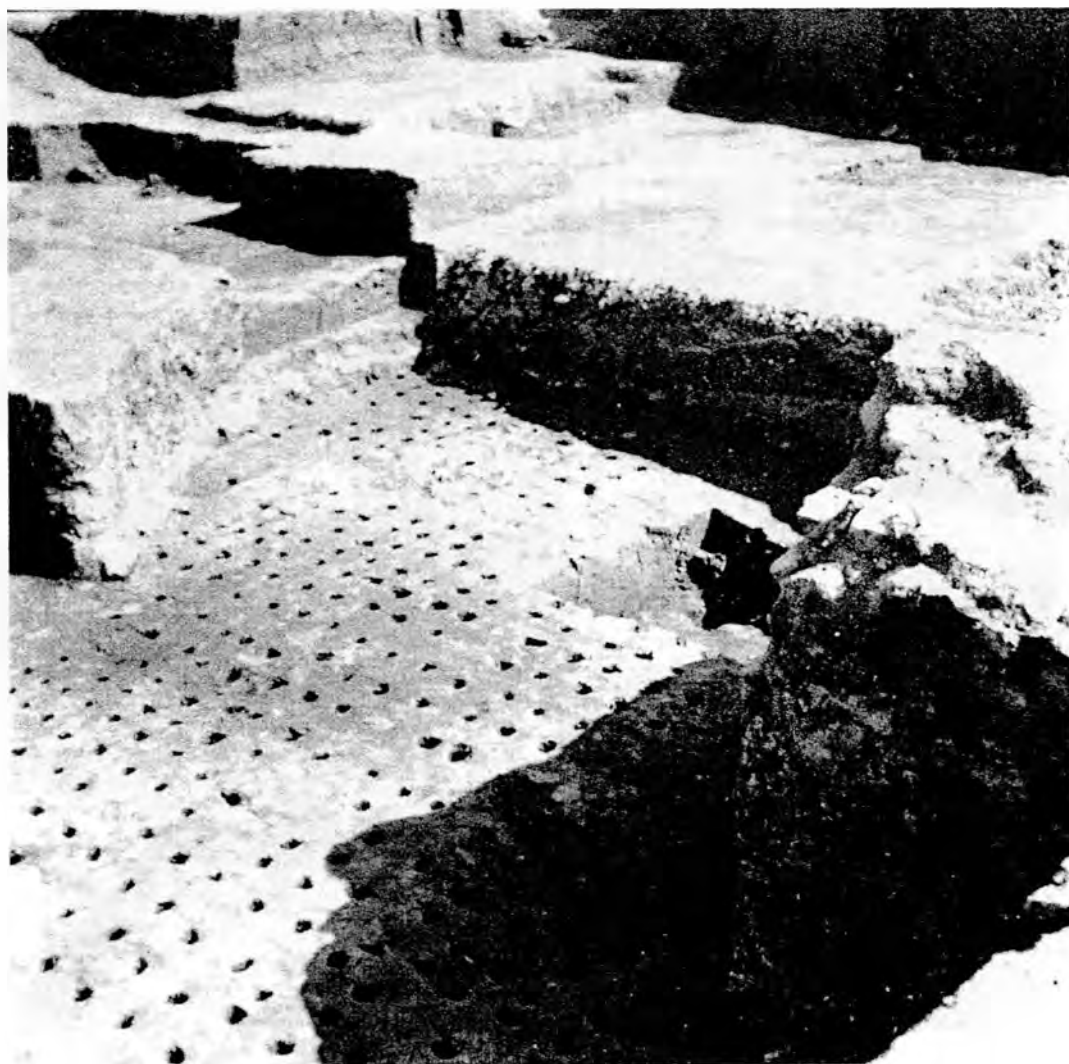

Рис. 10. Апсидная часть церкви. Вид с севера.

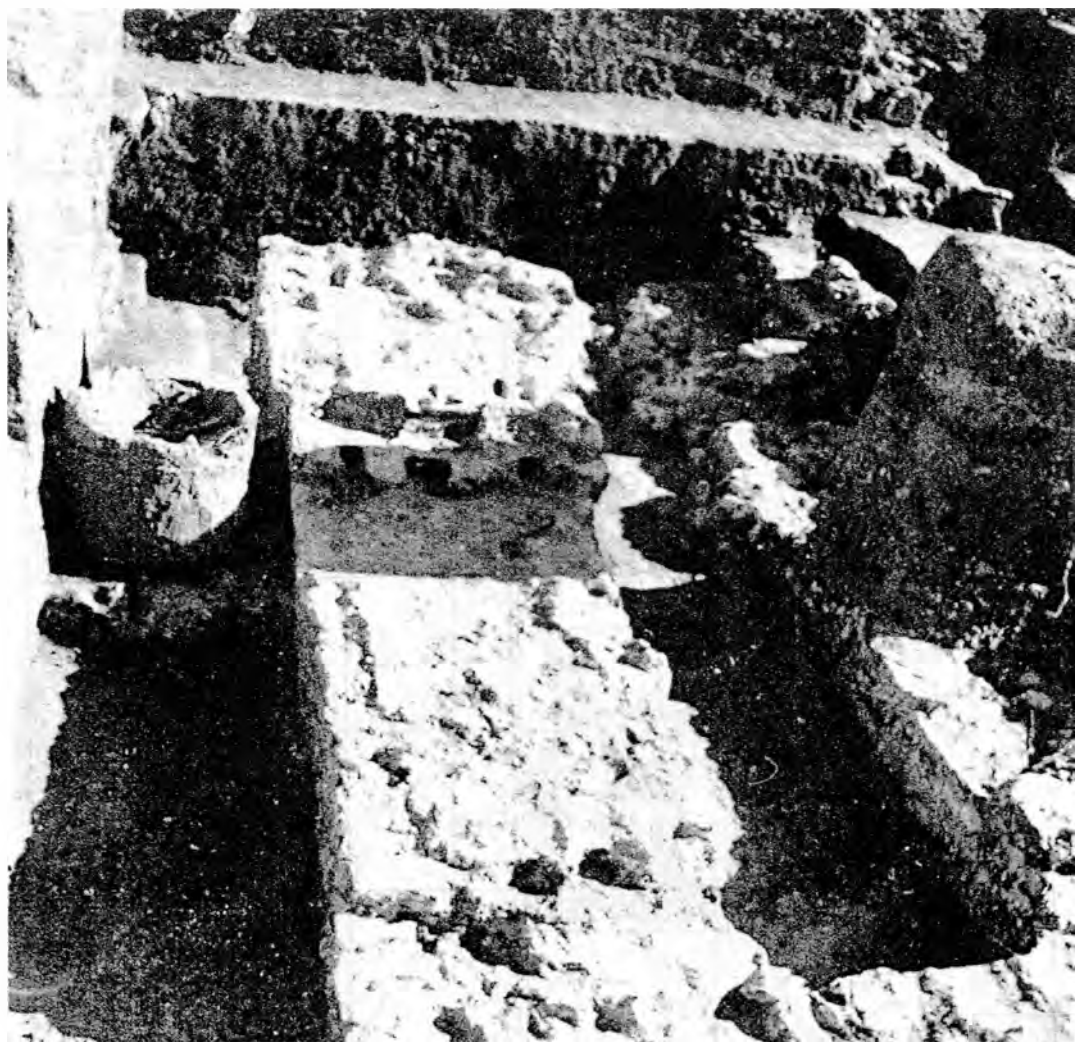

Рис. 11. Пифос VII века около западной стены церкви.

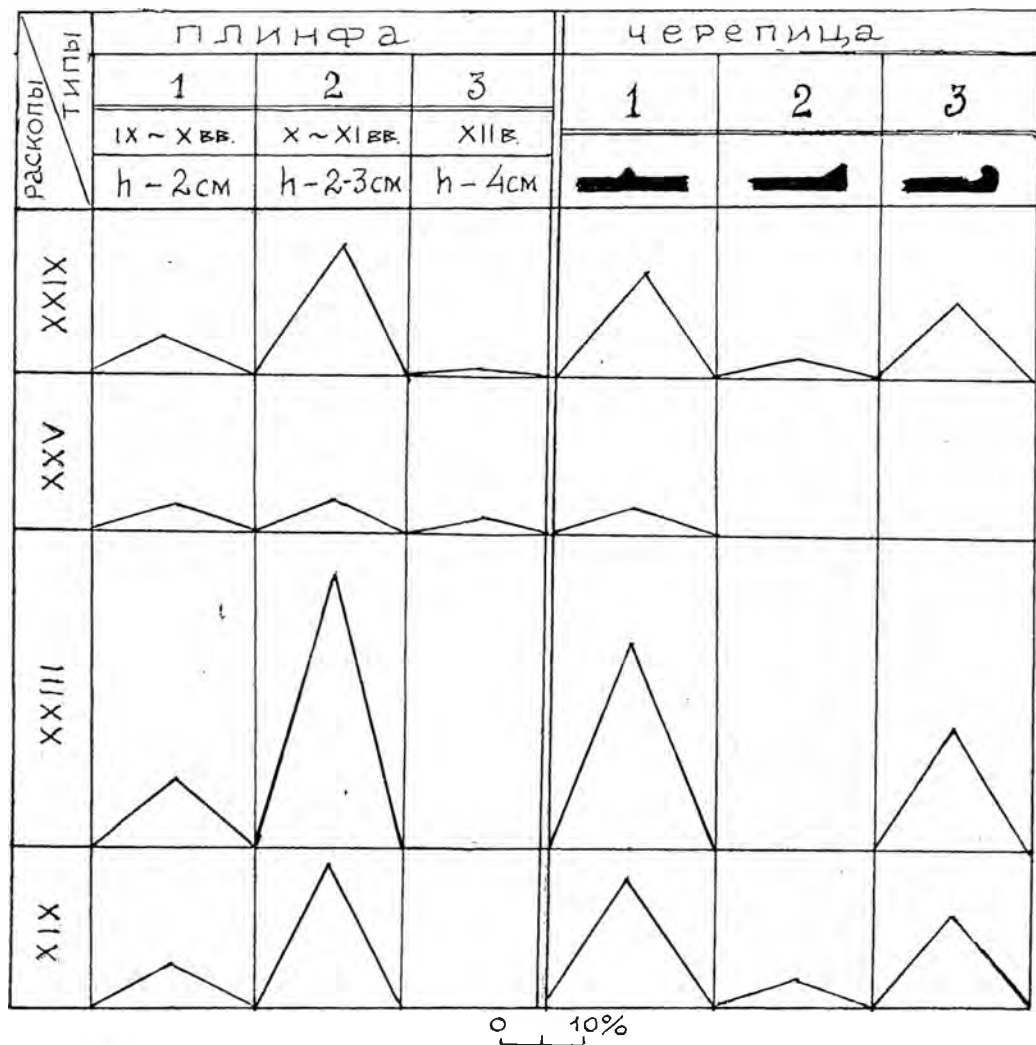

Рис. 12. Диаграмма распределения плинфы и черепицы на Центральных раскопах.

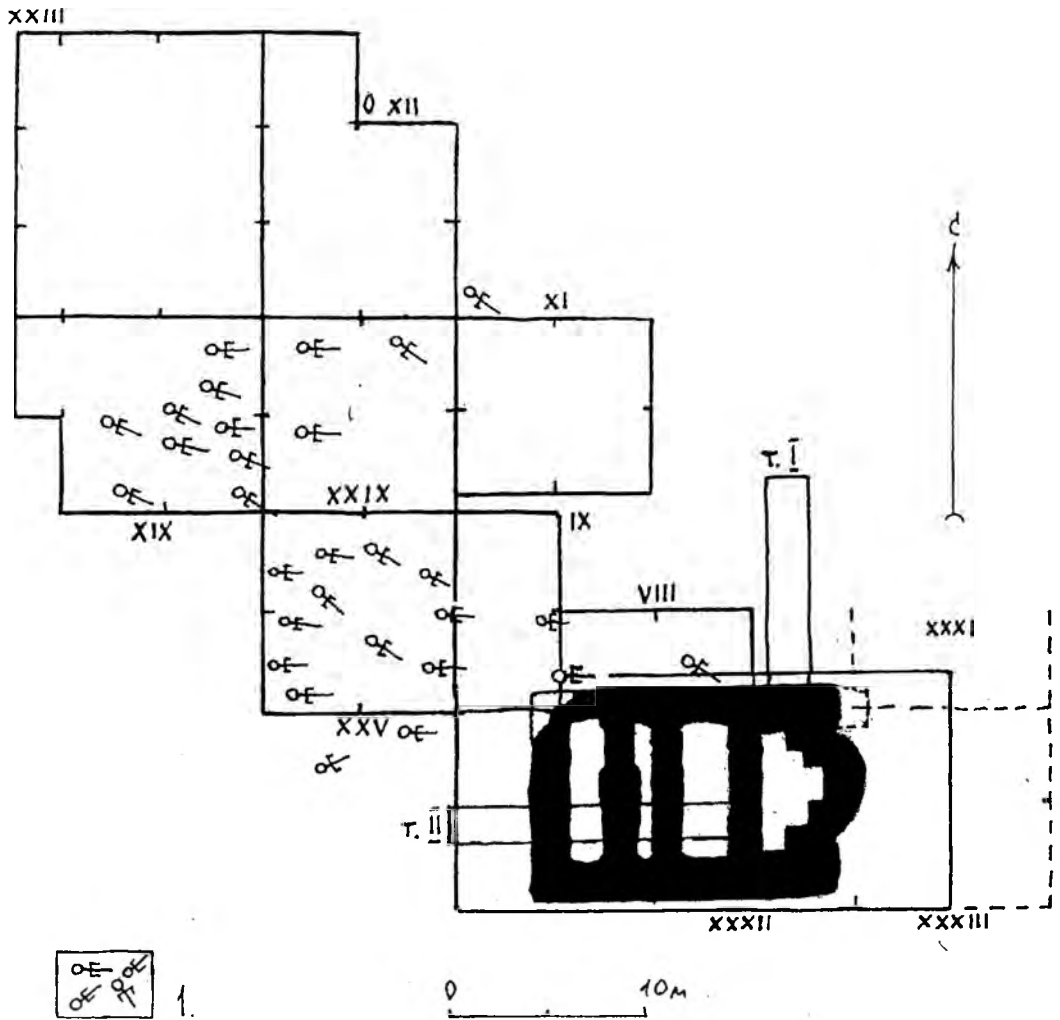

Рис. 13. Кладбище около церкви. 1 – остатки погребений.

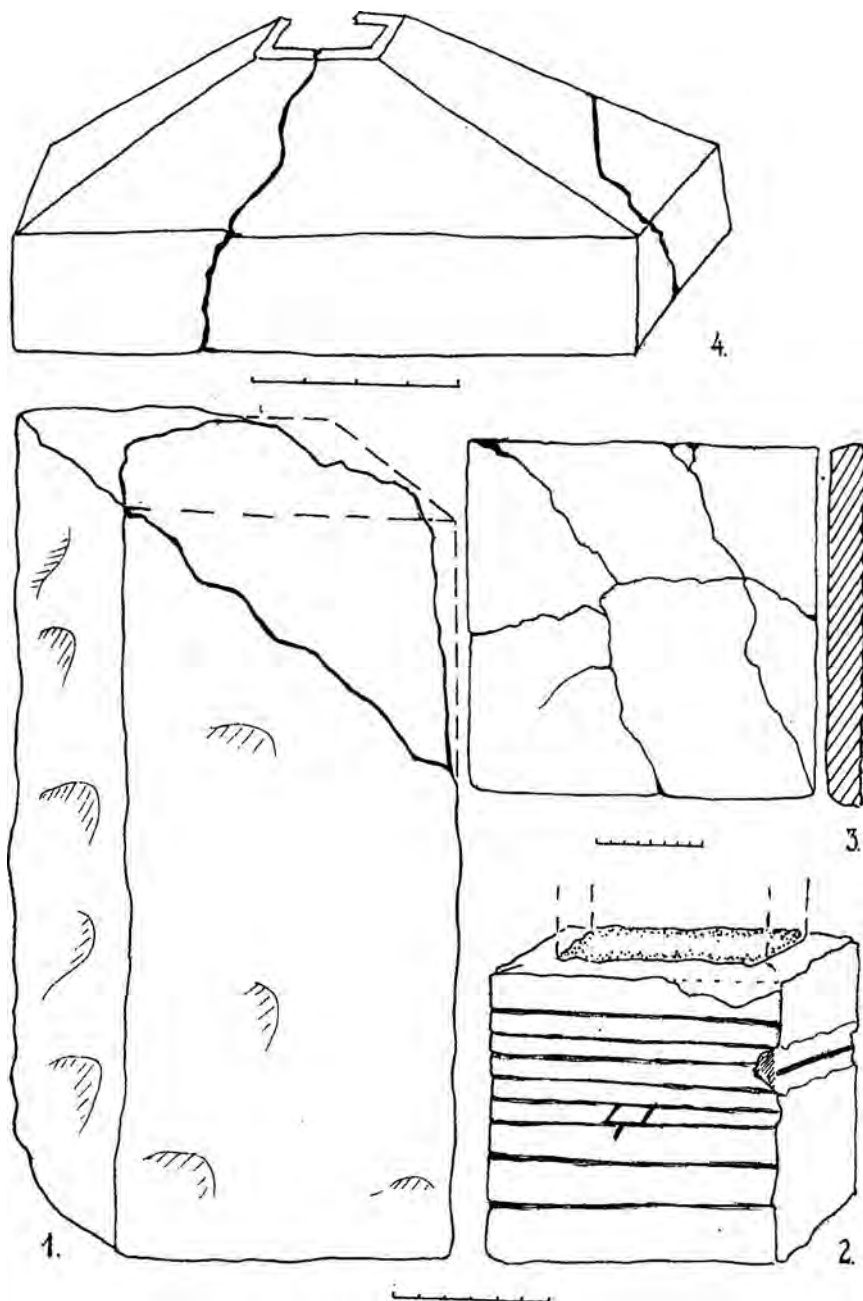
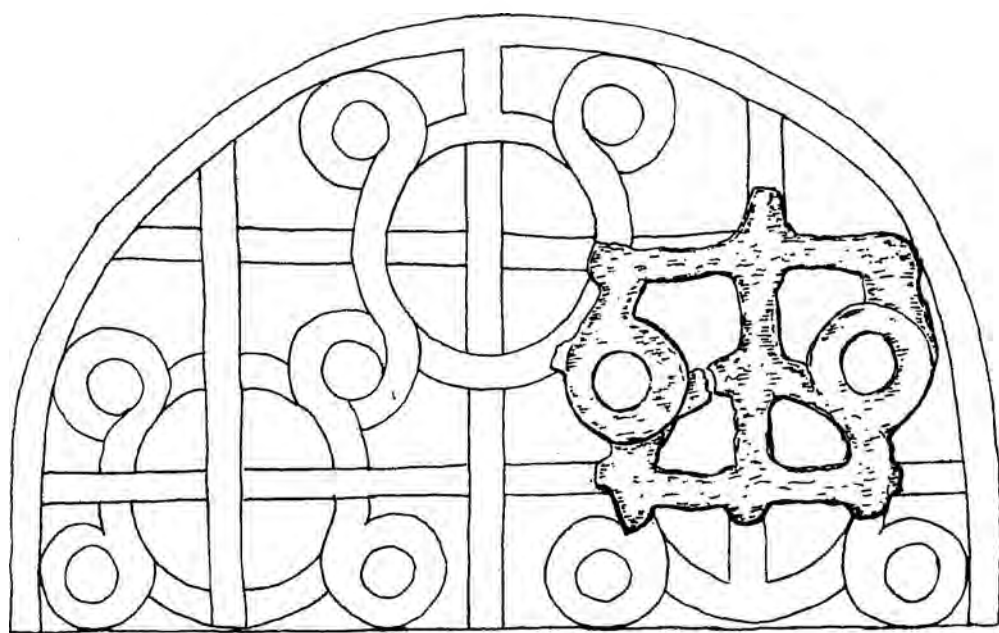
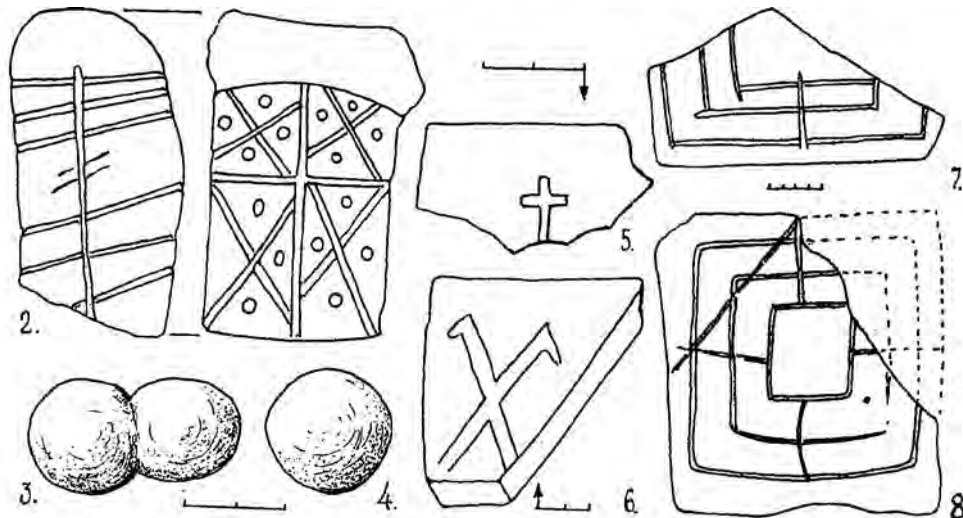

Рис. 14. Поделки из красного песчаника.

1 – блок со следами обработки; 2 – куб со следами обработки и сломом в верхней части; 3 – плита со следами раствора на обратной стороне; 4 – часть базы в обломках.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

Рис. 15. Поделки из красного песчаника.

1 – фрагмент ажурной резной композиции (реконструкция Б.А.Рыбакова); 2 – поделка с резным орнаментом; 4 – шарики из мрамора; 5 – плитка с крестом; 6 – черепица со знаком; 7, 8 – плитки песчаника с “вавилонами”.